

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

М. М. Сакаева

Права собственности в фокусе социологических теорий: через размывание границ к междисциплинарности

САКАЕВА Мария Маратовна — кандидат социологических наук, магистр социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, заместитель директора экспертно-аналитического центра Ухтинского государственного технического университета. Адрес: 169300, Россия, Коми, Ухта, ул. Первомайская, д. 13.

Email: eu.sakaeva@gmail.com

В обзоре представлены основные теоретические подходы к анализу прав собственности, разработанные в социальных науках. Условия появления и развития этого института рассматриваются с экономических, социологических и междисциплинарных позиций. Особое внимание уделяется неоинституционалистам во главе с Д. Нортom. Волна критики со стороны социологов и антропологов не просто показала, что в XXI веке неоинституциональное понимание природы прав собственности не всегда релевантно, но и способствовала расцвету междисциплинарности в этом поле. Пока политическая экономия изучала роль государства в защите собственности, новая институциональная экономика фокусировалась на институционализации частной собственности, а социальная антропология искала культурные основания отношений собственности, социологам было не просто обосновывать своё включение в дискуссию о правах собственности. Результатом активизации представителей социальных наук стало ослабление позиций экономистов либерального толка с их склонностью к нормативности и к идеализации частной собственности. Социологи показали, что права собственности — это больше, чем экономика; собственность влияет на культуру и право, государство и общество, коллективное и индивидуальное и одновременно зависит от них. Социологические исследования последних лет, с одной стороны, включили в пространство собственнических отношений немало новых объектов (например, торговую марку или женское тело). С другой стороны, социологи показали влияние правовых рамок и социальных норм на конфигурацию участников отношений собственности, специфику их интересов и взаимодействия. Обзор начинается с проблематизации понятий «право собственности» и «собственность» с акцентом на деконструкцию категории «собственность» в социологии. Далее представлено обоснование роли государства в развитии частной собственности и защите собственников, предложенное новой институциональной теорией. Критика апологетов частной собственности переходит в анализ концепций, обосновывающих значимость культуры в институционализации прав собственности и многообразии отношений собственности в современном мире. В заключение рассмотрены исследования о способах защиты прав собственности в условиях институциональной нестабильности.

Ключевые слова: права собственности; частная собственность; социология собственности; государство; рынок; новый институционализм; политическая экономия.

Введение

В экономической теории не так много категорий, которые за сравнительно короткий период подверглись многомерной разработке и даже деконструкции со стороны социологов и представителей других социальных наук. К ним относятся права собственности. При этом социологи недостаточно уверенно чувствуют себя в этом исследовательском поле, хотя постоянно с разных сторон изучают проблемы, порождаемые институтом собственности. Анализ теорий собственности и подходов к концептуализации прав собственности в общем итоге показывает согласие экономистов и социологов с тем, что собственность — это больше, чем экономика. В конце XX века экономсоциологи указывали на то, что диадная модель упускает из поля зрения социальное и политическое измерение собственности, описывает идеальную схему, а не реальность [Fligstein 2001]. Если частная собственность и появляется в форме диадных отношений, то на практике речь всегда идёт о триадных отношениях, поскольку собственность как феномен и права на неё со стороны социального агента возникают тогда, когда другие признают право социального агента на исключительный контроль собственности, управление ею и её использование напрямую либо через законодательство [Curtuthers, Ariovich 2004].

В XIX веке классики политической экономии рассматривали собственность в социологическом измерении, не только как территорию взаимодействия между индивидами и группами по поводу присвоения и использования ресурсов, но и как основание социальной стратификации. По К. Марксу, распространение частной собственности обуславливает воспроизводство социального неравенства, особенно при капитализме [Маркс 2003]. Новая институциональная экономическая теория выступала против вмешательства государства в экономику, но признавала, что сложные формы обмена невозможны без участия государства. Неоинституционалисты поэтому включили в исследовательскую модель государство, право и закон.

Экономисты А. Алчиан и Г. Демзетс ещё в 1973 г. писали о повышенном внимании к правам собственности в мире науки, о разнообразии подходов к анализу социальных проблем, порождаемых капитализмом и частной собственностью. Они же указывали на то, что многие вопросы остаются без ответа, в частности те, которые касаются структуры прав собственности, социальных условий их функционирования и развития во времени [Alchian, Demsetz 1973]. Спустя четверть века экономсоциологи по-прежнему обеспокоены недостаточным вниманием представителей социальных наук к правам собственности — они изучают, по сути, проблемы вокруг института собственности, а не внутри него [Fligstein 2001; Swedberg 2003]. Отчасти поэтому экономисты чувствуют себя в этом поле довольно уверенно [Barzel 1989; Eggertsson 1996; Тамбовцев 2009]. Но движение науки в сторону междисциплинарности и целый пласт социологических исследований, показывающих влияние культурного и социального контекстов, политических и правовых рамок на реальные отношения собственности, обуславливают не просто ослабление нормативных позиций экономистов, но и существенную реконструкцию их собственного подхода к правам собственности.

Цель обзора состоит в определении основных направлений исследований, связанных с концептуализацией понятий «собственность» и «право собственности», их развитием в рамках социальных наук. Обзор начинается с проблематизации конструирования самого понятия «право собственности». Далее представлены результаты размыывания дисциплинарных границ и деконструкции категории «собственность» в социальных науках, что в итоге обусловило разнообразие предметного и проблемного полей. После этого проанализирована аргументация сторонников включения культурного и социального контекстов в современные исследования прав собственности с акцентом на опыте перехода постсоветских стран к рынку. Успехи и провалы новых рыночных экономик не в последнюю очередь обусловили внимание исследователей к культурным факторам институционализации прав собственности, усилили остроту дискуссий между сторонниками либеральной и цивилизационной парадигм собственности.

В заключение речь идёт о взглядах экономсоциологов на основные проблемы с правами собственности в России и на способы защиты частной собственности, которые используют участники рынка в условиях институциональной нестабильности.

Собственность и право собственности: проблема конструирования понятий

Категория «права собственности» настолько прочно вошла в научный язык, что само сочетание понятий «право» и «собственность», казалось бы, не вызывает вопросов. Однако, по замечанию авторитетного отечественного экономиста Р. И. Капелюшникова, учёные вынужденно используют понятие «право собственности», поскольку в обыденном языке «собственность» употребляется в значении «объект собственности» [Капелюшников 2004].

Неоклассическая экономическая теория разрабатывала несколько основных тем относительно прав собственности. Во-первых, под собственностью понимается не ресурс или материальный объект, а пучок прав по использованию ресурса [Alchian, Demsetz 1973]. Во-вторых, в теории собственности речь идёт не об отношениях «индивид — вещь», а об отношениях между людьми по поводу использования редких благ [Капелюшников 2004]. В этом смысле Р. Капелюшников опровергает критику новой институциональной экономики [Эггертссон 2001; Фуруботн, Рихтер 2005] в адрес неоклассиков в том, что они под отношениями собственности не подразумевали отношения между людьми [Капелюшников 2004]. Более того, неоклассики признавали, что эти отношения санкционированы обществом, но необязательно государством, а это предполагает несение издержек в случае нарушения правил игры. Закрепление прав собственности одновременно формальными и неформальными нормами является третьей темой, которая волновала экономистов [Капелюшников 2004].

Права собственности возникают в связи с проблемой редкости благ и ограниченности доступа к ним. Ресурс или благо становится собственностью, когда группа или индивид заявляют свои притязания на исключительное их использование и способны эти притязания защищать. В этом смысле понятия «собственность» и «право» органично связаны. Право возникает там и тогда, где и когда у индивида появляются некие ограничения по свободному использованию благ, ресурсов или возможностей. Как справедливо отмечает Г. Сапов, «атаки на собственность всегда оказываются атаками на принцип свободы» [Сапов 2004]. Индивидуальная свобода и собственность были предметом философских дискуссий. Сапов, апеллируя к политическим философам либерального толка (Дж. Локк, Т. Пейн, Т. Джефферсон), в качестве универсальной составляющей собственности отмечает принцип свободы [Сапов 2004]. Классики политической философии не использовали понятие «право собственности», оно появилось значительно позже. Пока же, в XVII веке, Дж. Локк пишет о «правиле собственности». Суть его состоит в том, что каждый человек должен иметь столько, сколько он может использовать; ресурс, который он исключает из общего достояния, и приводит к возникновению собственности [Собственность классиков... 2004].

В новой институциональной экономической теории праву собственности придаётся более широкий смысл, который выходит как за рамки юридической концепции, так и за рамки неоклассического подхода, поскольку включает социальные нормы [Эггертссон 2001: 48]. Более того, именно неoinституционалисты сделали собственность предметом анализа, перестали воспринимать её как нечто данное, подходили к собственности как к результату взаимодействия различных агентов в ситуации неопределённости под влиянием внешних факторов [Фуруботн, Рихтер 2005]. Причиной критики в адрес неоклассиков со стороны новой институциональной школы был их нормативизм, несоответствие модели реальности, в которой права могут быть нечётко определены, формы собственности — смешаны или пограничны, а издержки агентских отношений трудно просчитать [Фуруботн, Рихтер 2005].

Неоинституционалисты подчёркивали необходимость участия государства в обеспечении прав собственности при одновременном ограничении его вмешательства в экономику. Одних санкций, будь их источником государство или общество, недостаточно для создания безопасных условий реализации прав собственности. Т. Эггертссон указывает на соответствие между социальными нормами и формальными правилами игры в сфере собственности, которые устанавливает государство. В противном случае возникают конкурирующие схемы прав собственности [Эггертссон 2001: 50–51].

Сама процедура определения прав, будь то право собственности или право голосовать, многосложна. У. Райкер и И. Сенед выделяли два уровня определения прав [Riker, Sened 1991]. На первом уровне права понимаются как комбинация обязанностей со стороны правопредставителя (*bearer*) и требований со стороны правообладателя (*holder*). Если первый из них обязуется соблюдать установленные нормы использования прав, то второй определяет требования и заинтересован в качестве их соблюдения. На втором уровне появляется новый игрок – государство. Оно должно обеспечивать институциональные условия соблюдения прав правообладателя (собственника), прежде всего со стороны чиновников [Riker, Sened 1991: 953].

С конца XX века в социологии и антропологии предпринимаются попытки и вовсе деконструировать понятие «собственность», когда сугубо социальные явления переводятся в рыночную плоскость, социальные группы маркируются в категориях товара. Большой вклад в деконструкцию внесло феминистское течение в гендерной теории. Исследования в этой области показали, почему в патриархальной культуре укоренялось отношение к женщине как к товару, через какие механизмы и практики женщина становилась объектом присвоения, распоряжения и реципрокного обмена [Печески 2000, Рубин 2000]. Ряд феминистских исследований о коммодификации женского тела анализируют отдельные его составляющие в категориях собственности, а репродуктивные процессы преломляют сквозь призму рыночных отношений, когда, например, яйцеклетка или женское тело становится товаром в контексте суррогатного материнства [Sharp 2000; Waldby, Cooper 2006].

На сегодняшний день успел сложиться целый сегмент социологических и антропологических исследований медицинских рынков, где объектом собственности, то есть предметом купли, продажи или дарения могут быть органы и ткани человека, включая криминальные рынки донорских органов [Healy 2000; Schepers-Hughes 2000; Steiner 2003]. Даже жизнь может стать предметом коммерциализации и отношений собственности [Drahoš 1999].

Всплеск цифровых технологий спровоцировал изучение новых форм собственности, прежде всего собственности интеллектуальной. Патенты на компьютерные программы, виртуальные сервисы, виртуализация бизнеса, инновационные продукты, торговые марки и бренды, музыкальное и кинопиратство в Интернете — это лишь часть вопросов в поле интеллектуальной собственности. К ним обращаются главным образом западные исследователи, дополнительно включая их в контекст расовой дискриминации, моральной экономики [Hesse 2002; Hall 2003; Podlas 2010; Emerson 2014].

Права собственности: государство имеет значение

Расширение дисциплинарных границ изучения прав собственности уходит корнями в труды классиков социологии, подчёркивавших значимость политического и социального контекста развития этого института в разных обществах (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм). Но тогда речь шла в первую очередь о частной собственности как об одном из оснований социального неравенства в эпоху капитализма. Сторонники классового анализа и сегодня полагают устойчивость имущественного неравенства и укрепление государственных институтов эксплуатации и контроля главным негативным последствием института частной собственности [Roemer 1989; Earle 2000; Keister, Moller 2000].

Согласно классикам экономической науки, отношения собственности включают три составляющие — это собственник, предмет собственности и не собственник. Представители новой экономической школы в начале 1990-х гг. заявили не просто об участии большего количества акторов в отношениях собственности, но и о необходимости восхождения с микроуровня на макроуровень анализа. Права собственности начали рассматривать как территорию взаимоотношений между правительством и населением, государством и бизнесом [Elster 1989; Норт 1997]. Обратившись к истории развития экономических институтов, Д. Норт и Б. Вайнгаст включили государство в анализ правособственнических институтов [North, Weingast 1996]. Экономистов интересовало создание и функционирование институтов и организаций, которые защищают собственника от государства [Milgrom, Greif, Weingast 1994]. На примере противостояния английской королевской власти и парламента в XVII веке они рассмотрели, как ограничение полномочий правительства (*limited government*) ускорило экономическое развитие [North, Weingast 1996].

Признавалась значимость государства не только в обеспечении гарантий прав собственности [Riker, Sened 1991; North 1993; North, Weingast 1996], но и в развитии рынков в целом, что в итоге определяет жизнеспособность капитализма [Fligstein 2001]. Н. Флигстин на примере развития Силиконовой долины в США показал, как в результате вмешательства государства развивались конкретные рынки [Fligstein 2001].

Некоторые неоинституционалисты вообще объясняют появление государства необходимостью защиты прав собственности. Как утверждает Т. Эггертссон, по мере имущественной дифференциации и ресурсного дефицита, для защиты прав собственности было недостаточно группового насилия и социальных сетей. Потребовалось появление государства в роли монопольного отправителя насилия [Эггертссон 2001: 330–332].

Для Д. Норты институты даже в случае сбоев и неудач если и зло, то необходимое: без них невозможны порядок и экономическое развитие [Норт 1997]. Такой взгляд не лишён романтизма: Норт был уверен, что «плохие» институты сменяются «хорошими», следование правилам и нормам приносит пользу, а появление норм обусловлено их социальной полезностью. Ю. Эльстер, напротив, не всегда видел пользу в соблюдении норм. Влияние нормы — положительное или отрицательное — можно понять только после её внедрения и укоренения. Общество и государство, создавая институты, участвуют в лотерее. Если норма окажется «хорошей», то страна придёт к экономическому росту и всеобщему процветанию; «плохие» нормы ведут к упадку [Elster 1989].

Представители новой институциональной экономики были далеки от наивных убеждений в том, что права собственности могут гарантироваться только формальными методами [Капелюшников 2004]. Они понимали признание права не только как поведение, соответствующее или противоречащее формальным правилам. Если право собственности не уважается и не признаётся другими (в частности, чиновниками), легальное владение правом не есть институт [Weimer 1997].

Почему в одних государствах права собственности чётко определены и надёжно защищены, а в других — нет? Почему одни общества оправдывают посягательство на частную собственность, а другие успешны в борьбе с правовым нигилизмом? Многое зависит от надёжности гарантий прав собственности. Надёжные гарантии (*credible commitment*) понимаются как ограничения, нацеленные на формирование убеждений экономических агентов по поводу действий государства относительно управления ресурсами [Diemeier et al. 1997: 23]. Представители неоинституциональной экономики были убеждены, что государство является главным гарантом частной собственности [North 1993]. Государство, решая главную дилемму экономической политики — защищать или грабить [Weingast 1997], должно ограждать от насилия, создавая эффективные суды, полицию и бюрократию [Frye 2004: 454].

Разнообразие отношений собственности: роль культурных факторов

По мере нарастания внимания представителей социальных наук к проблемам собственности всё больше сторонников находила позиция, объясняющая разный уровень защиты собственности в странах мира разницей социальных норм, социальных отношений между акторами. Категорию культуры в анализ прав собственности включили разработчики когнитивного подхода [Riker, Sened 1991; Bardhan 2005; Jacobs 2005]. Они настаивают на том, что необходимо учитывать поведение индивидов, систему их ценностей и установок, которая, в конечном счёте, определяет эффективность внедрения тех или иных институтов.

Эти исследователи тоже попали в ловушку этатизма, возлагая большие надежды на государство. По мнению У. Райкера и И. Сенед, сторонников когнитивного подхода, для стабильной реализации индивидами прав собственности важно уважение и признание этого явления в обществе, прежде всего со стороны государственных агентов [Riker, Sened 1991: 955]. Высказывалась вера в способность государства создавать эффективную структуру мотивов, которая сдерживала бы оппортунистическое поведение бюрократии [Мое 1984: 756]. Как отмечает С. Ломан, если государство гарантирует выполнение взятых обязательств, то создаётся репутационный механизм гарантий прав собственности (цит. по: [Bardhan 2005: 40]).

Критикуя институционалистов, А. Якобс отмечал, что когнитивная составляющая (восприятие) не менее важна, чем структурное (законодательное) оформление права собственности. Произвол есть культурно обусловленное явление: чиновники не уважают частную собственность, отказываются признавать её неприкосновенность [Jacobs 2005]. Если экономисты рассматривали нормы и институты как нечто внешнее по отношению к индивидам и группам, то социологи помещали институт внутрь человека. Нормы тотальны: они включают и эмоциональный элемент. Нельзя отделять игроков от правил, а институты — от отношения игроков к ним [Elster 1989].

Антропологов также интересовало культурное измерение прав собственности. Они рассматривали институт частной собственности и саму собственность как культурно обусловленные явления в том смысле, что они представляют собой производное так называемого западного мира или эпохи модерна с их стремлением к экономическому росту, индивидуальному материальному успеху. В традиционных обществах и культурах идея частной собственности по сути своей чужеродна системе ценностей и норм. У коренных народов нет понятия «частная собственность» [Bright 1995]. Адаптация современного законодательства о правах собственности в Китае была затруднена в связи с тем, что законы и культура Китайской империи содержали специфическую идею собственности [Alford 1995]. Коренное население Америки не относилось к земле в категориях частной собственности; это исключительно европейские ценностные стандарты [McEvoy 1998].

Антропологические и социологические исследования земельных отношений показывают подвижность и размытость границ между формами собственности и в индустриальных обществах, когда содержание понятий «собственность» и «право собственности» по-разному понимаются и конструируются. «Полем боя» групп интересов, действующих с позиций разных идеологических установок и культурных представлений, может стать город [Галиндабаева 2014], олимпийская стройка [Карбаинов 2012] или дачный участок [Касаткина 2015]. Неразрешённость вопроса о том, кто на самом деле владеет землёй и иными объектами собственности, культурные противоречия между рынком и общиной, реальными владельцами и юридическими собственниками провоцируют споры на территориях традиционного землепользования [Stammler, Wilson 2006; Тулаева 2014].

В результате взаимовлияния социальных отношений, культурных норм, правового поля, государства и рынка складывается континуум отношений собственности. Как институт собственность не только выполняет экономические функции, но одновременно провоцирует и разрешает социальные конфликты [Azuela 2007; Benda-Beckmann, Benda-Beckmann, Wiber 2009].

Либеральная и цивилизационная парадигмы собственности

Исследовательская повестка относительно роли государства в защите прав собственности значительно обновилась в 1980–1990-х гг. в связи с переходом социалистических стран к рынку. Противоречивость этого процесса, разнообразие планов и результатов приватизации и либеральных реформ, направленных в том числе на создание института частной собственности, — всё это подогрело интерес к правам собственности со стороны представителей новой политической экономии. В литературе, «политизировавшей» таким образом экономическое явление, хорошо изучены итоги рыночных реформ в странах Центральной и Восточной Европы [Diemeier et al. 1997; Dobek 1997; Boettke 2003; Bardhan 2005].

В дискуссиях о частной собственности сформировались два исследовательских лагеря; конфронтацию между ними и обострил опыт перехода некоторых стран к рынку. Исследователи либерального толка признавали существенное отклонение институтов частной собственности от западных образцов в бывших плановых экономиках и предлагали рецепты институционального строительства, призванного, в конечном счёте, обеспечить успешный переход к рынку. Представители новой политической экономии также обращались к проблеме минимизации угроз правам собственности со стороны так называемого грабительского государства [Shleifer, Vishny 1998; Hellman, Geraint, Kaufmann 2012].

Цивилизационный подход, альтернативный либеральному, выступает против механического насаждения института частной собственности в тех обществах, чья культурная специфика и исторический контекст отличались от западного пути, основанного на демократии и верховенстве права. В рамках цивилизационного подхода хорошо разработана теория власти-собственности, которая нашла наиболее яркое воплощение в России. Термин был предложен историком-востоковедом Л. С. Васильевым для обозначения такой природы права на собственность, когда оно является производным от должностного положения лица в структурах государства [Васильев 2005: 69–70]. На Востоке¹ «собственность рождается как функция владения и власти. Власть-собственность — это не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, то есть к должности» [Васильев 2005: 69–70].

Есть мнение, что, поскольку цивилизационная матрица власть-собственность успешно воспроизводится даже в условиях рынка, нужно отказаться от дальнейших дискуссий об институционализации частной собственности в западном, либеральном её понимании, а модернизироваться в пределах возможностей, доступных в условиях особого российского пути [Нуреев, Латов 2015; Плискевич 2015]. По мнению О. Э. Бессоновой, институциональную матрицу России по-прежнему составляет не рынок, а «раздаток» [Бессонова 2006]. В отечественной социологии популярна теория зависимости от предшествующего развития (*path dependency*), с которой органично сочетается теория власти-собственности.

Продолжаются дискуссии о специфической ментальности российского общества, что обрекает на провал реформы по западному образцу. В частности, С. Г. Кирдина относит Россию к типу восточной матрицы (*X*-матрица), отличной от матрицы западной (*Y*-матрица) (см.: [Тамбовцев 2009]). Однако отмечается, что социальное поведение определяет не только институциональная среда, но и доминирующие в обществе убеждения, ценности и традиции [Александров, Кирдина 2012]. Неудачу рыночных

¹ Речь идёт о Востоке как об историко-культурном, социополитическом и цивилизационном феномене. Предметом востоковедения был первоначально весь неевропейский мир; см. подробнее: [Васильев 2005: 17–21].

реформ С. Г. Кордонский связывает не с зависимостью от предшествующего развития и не с отторжением рыночных элементов специфической национальной почвой, а с тем, что настоящий рынок невыгоден правящему классу и статусным группам, поскольку он может угрожать их привилегированному положению [Кордонский 2008].

Социологические трактовки власти-собственности пересекаются с уже упомянутой теорией грабительского государства, основная идея которой состоит в том, что государство обладает достаточной силой как для защиты собственности, так и для конфискации богатства граждан [Shleifer, Vishny 1998; Hellman, Geraint, Kaufmann 2012]. Но в системе власти-собственности изначально право распоряжаться ресурсами и имуществом монополично принадлежит государству. Теория грабительского государства описывает явления, имевшие место на Западе, когда государство посягало на частную собственность, реализуя себя в роли «грабителя», а не «защитника» [Robinson 1998; Frye, Yakovlev, Yasin 2009]. Теория власти-собственности аргументирует статусную обусловленность доступа к экономическим ресурсам, а также отражает реалии, при которых граница между государством и рынком, коллективным и индивидуальным достаточно условна.

Защита прав собственности: взгляд экономсоциологов

Переход постсоветских стран к рынку не только обострил дискуссию о природе частной собственности и её зависимости от культурно-исторического контекста. Актуализировался вопрос о защите прав собственности, когда предприниматели оказываются между двух огней. С одной стороны, государство практикует различные формы давления на бизнес, используя для этого чрезмерное налоговое бремя и даже вымогательство [Frye 2002a; Firestone 2008; Frye, Yakovlev, Yasin 2009; Яковлев 2013]. С другой стороны, зафиксирована устойчивость теневизации бизнеса, когда он создаёт независимую от государства зону суверенности [Хамфри 2010] или адаптирует закон под себя [Журавская 2011]. Оппортунизм бизнеса стал отдельной темой социологических исследований, куда входит широкий спектр дисциплин — от экономической социологии [Hendley, Murrell, Ryterman 2000; Панеях 2013] до правоведения [Соломон-мл. 2013]. Надо добавить к этому работы о месте организованной преступности на формирующихся рынках, что было общим местом становления капитализма на постсоветском пространстве [Frye 2002a].

Слабость государства и многообразие угроз обусловили развитие практик частной защиты, когда участники рынка прибегали к услугам специальных агентов. Наиболее полно агенты и практики частной защиты проанализированы при исследовании силового предпринимательства [Волков 2002]. Т. Фрай пришёл к выводу о функциональной значимости частных охранников для благополучия малого бизнеса: они не только защищают от рэкетиров, но и принуждают контрагентов к соблюдению контрактов, помогают пополнять клиентскую базу. Т. Фрай выделил ещё одну причину спроса на частную защиту: произвольное применение правил регулирования со стороны представителей государства [Frye 2002b: 573].

В посткоммунистических обществах сложилась не просто система частной защиты, но экономика рэкета. При таком типе экономики значительны издержки защиты прав собственности от посягательств отдельных лиц и организованных групп [Латов 2003]. Силовая защита бизнеса доминирует на определённом этапе становления предпринимательства, пока акторы оказываются сильнее институтов, а нелегальность пронизывает все сферы общества. В этом смысле опыт России не является уникальным, аналогичные процессы происходили, например, в Италии [Гамбетта 1993] и в Перу [Сото 1995].

Через призму концепции контроля Н. Флигстина [Fligstein 2001] покупку услуг частных правоохранителей можно рассматривать как способ стабилизации рынка. В бизнесе существовали представления

о том, что «крыша» эффективнее государственной защиты. Как указывает А. Портес, в неформальной экономике нет места государству, поскольку для него этот сектор невидим [Портес 2003: 41]. Обратное правило гласит, что легальный бизнес логичным образом требует легальных способов защиты. Неслучайно по мере легализации бизнеса в конце 1990-х — начале 2000-х гг. спрос на бандитские «крыши» начал падать [Волков 2002].

Экономическая социология также предложила свой взгляд на участие бизнеса в политике, которое бывает прямым и косвенным. Косвенное участие варьируется от финансирования избирательной кампании политической партии до лоббирования интересов фирмы через должностное лицо за определённое вознаграждение [Барсукова, Звягинцев 2006; Faccio 2006].

Прямое участие подразумевает приход бизнесменов в органы исполнительной и законодательной власти, когда они официально становятся представителями политико-административной элиты. В последние годы в России отмечен рост числа представителей бизнеса в составе региональных парламентов и муниципальных собраний депутатов [Расторгуев 2012; Левин, Каган, Кислицын 2014].

Исследование роли депутатского статуса в предпринимательской деятельности показывает широкий набор возможностей для развития бизнеса, а также для защиты от угроз, производимых рынком и государством [Сакаева 2012]. Необязательно обладать формальным статусом, чтобы получать выгоды для бизнеса от приближённости к власти. Как показывают локальные практики, участники рынка вынуждены тратить время и усилия на выстраивание сетей, на включение в клуб «своих» бизнесменов, приближенных к власти. Это открывает доступ к тем или иным привилегиям [Левин, Курбатова 2011].

Депутатский статус от таких издержек освобождает, но обостряет значимость социальных отношений и персонального доверия в структурах власти, от которых зависят горизонты эксклюзивных ресурсов и возможностей, позволяющих укреплять положение на рынке. Причём социальный капитал, доверие и репутация нередко являются основаниями конвертации депутатского статуса в экономические выгоды. Это характерно как для столичного мегаполиса [Сакаева 2012], так и для регионов [Сакаева 2015].

В некотором смысле депутатский статус заменяет институт частной защиты. Напомним, что Т. Фрай выделял такие функции частных охранников, как защита от рэкетиров, принуждение к соблюдению контрактов и др. [Frye 2002b: 571–573].

Заключение

Трудно переоценить вклад социологов в то, что в последние годы всё более очевидной становится расхождение между идеальной моделью частной собственности и реальными отношениями собственности. То, что сторонники либеральной парадигмы выдавали за институт частной собственности, оказалось на деле только идеей прав собственности [Benda-Beckmann, Benda-Beckmann, Wiber 2009]. Социологический подход показал, что институт собственности куда более многообразен, чем предлагаемая либеральными экономистами дихотомия коллективного и индивидуального, частного и государственного. Частная собственность не есть панацея от болезней переходного периода и не является гарантией общественного благосостояния. Даже на Западе институт частной собственности далеко не всегда соответствует идеальным образцам, сконструированным рыночными апологетами, как, впрочем, и сам рынок [Fligstein 2001].

В то же время социологический подход к правам собственности является своего рода мостом между экономической теорией, с одной стороны, и политической экономией и новой институциональной тео-

рией — с другой. Первых интересует микроуровень, когда права собственности рассматриваются как отношения между автономными рациональными индивидами. Политэкономы и неоинституционалисты подходят к правам собственности как к продукту государственного строительства и институциональных реформ. Если одни недооценивают внешнюю среду и роль государства в экономике, то другие, отталкиваясь от либеральных идей, парадоксальным образом превращают государство в Левиафана.

Представители социологического лагеря, который в данном обзоре был представлен широко, включая социологов, антропологов, экономсоциологов и правоведов, убедительно показали, что взгляд на собственность как на продукт социальных отношений и культурного процесса позволяет включать в круг исследований широкий набор объектов и проблем. С одной стороны, критика либеральной концепции частной собственности вскрыла многообразие отношений собственности в разных типах обществ, их зависимость от институционального дизайна, культурных норм. Антропологический поворот привлёк внимание к отношениям собственности вне государственного контроля, когда государство слабо либо его присутствие в повседневной жизни минимально (как в случае современных коренных народов). С другой стороны, размывание понятия «собственность» за счёт включения в дискурс о собственности тех объектов, которые так или иначе могут маркироваться как товар (например, женское тело или жизнь), не лишено спекулятивности. В результате, в частности, стираются границы между социологией рынка и социологией прав собственности, при том что обе эти дисциплины находятся в процессе становления и поиска исследовательского фокуса. Вместе с тем, претерпевая всё большее предметное и дисциплинарное расширение, права собственности и отношения собственности в своём многообразии открывают новые возможности не только перед социологами, но и перед экономистами, позволяют и тем и другим отражать изменения современного общества.

Литература

- Александров Ю. И., Кирдина С. Г. 2012. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. *Социологические исследования*. 8: 3–12.
- Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. 2006. Механизм «политического инвестирования», или Как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь. *Экономическая социология*. 7 (2): 8–22. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2006-7-2.html>
- Бессонова О. Э. 2006. *Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации*. М.: РОС-СПЭН.
- Васильев Л. С. 2005. *История Востока*. Учебник: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Вебер М. 2002. *Протестантская этика и дух капитализма*. Ивано-Франковск: Ист-Вью.
- Волков В. В. 2002. *Силовое предпринимательство*. СПб.: Летний сад.
- Галиндабаева В. И. 2014. Мегасобытия в постсоветских городах: неопатримониальные машины роста и присвоение государственной собственности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1: 126–140.
- Гамбетта Д. 1993. Рэкет как нелегальный правоохранительный бизнес. *Журнал «Экономическая теория преступлений и наказаний»*. 1. URL: <http://corruption.rsu.ru/magazine/1/n1-09.shtml>
- Дюркгейм Э. 1996. *О разделении общественного труда*. М.: Канон.

- Журавская Т. Н. 2011. «Серый импорт» в Благовещенске: что нового? *Экономическая социология*. 12 (1): 54–71. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-1.html>
- Капелюшников Р. И. 2004. Право собственности (очерк современной теории). *Отечественные записки*. 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii>
- Карбаинов Н. И. 2012. Изъятие неформальной собственности в России: негативные уроки подготовки к Олимпийским играм в Сочи. *Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»*. СПб.: ИПП ЕУСПб.
- Касаткина А. К. 2015. Частная собственность и коллективное товарищество. Режимы собственности и социальные отношения в садоводческих некоммерческих товариществах Ленинградской области 2000-х годов. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1: 163–178.
- Кордонский С. Г. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Латов Ю. В. 2003. «Экономика рэкета» в постсоветской России. *Интернет-конференция «Поиск эффективных институтов для России XXI века»*. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16214862/>
- Левин С. Н., Курбатова М. В. 2011. Сетевые взаимосвязи российского бизнеса: деловая коррупция и органический институт реальной модели институциональной организации российской экономики. *Журнал институциональных исследований*. 3 (2): 50–69.
- Левин С. Н., Каган Е. С., Кислицын Д. В. 2014. Интернализированный политический ресурс крупного бизнеса в Кузбассе. *ЭКО*. 1: 85–94.
- Маркс К. 2003. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. М.: ЭКСМО.
- Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Начала.
- Нуреев Р. М., Латов Ю. В. 2015. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности. *Мир России*. 2: 50–88.
- Панеях Э. Л. 2013. Зарегулированное государство. *Pro et Contra*. 17 (1–2): 79–92.
- Печески Р. 2000. Аборт и выбор женщины: государство, сексуальность и репродуктивные права. В сб.: Гапова Е., Усманова А. (сост.) *Антология гендерной теории*. Минск: Прополис; 141–150.
- Плискевич Н. М. 2015. Трансформации системы власти-собственности в России: региональный аспект. Могут ли регионы начать свой путь к модернизации. *Мир России*. 2: 89–104.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. М.: Алетейя.
- Портес А. 2003. Неформальная экономика и её парадоксы. *Экономическая социология*. 4 (5): 34–53. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5.html>

- Расторгуев С. В. 2012. Инкубенты-бизнесмены в областной законодательной власти в ЦФО в 2000–2011 гг. *Политические исследования*. 4: 117–125.
- Рубин Г. 2000. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола. В сб.: Гапова Е., Усманова А. (сост.) *Антология гендерной теории*. Минск: ПроPILEI; 99–117.
- Сакаева М. М. 2012. Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов. *Экономическая социология*. 13 (3): 96–123. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3.html>
- Сакаева М. М. 2015. Спрос предпринимателей на социальный капитал в поле рынка и политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1: 110–122.
- Сапов Г. 2004. Собственность: условия человеческой деятельности и юридическая категория. *Отечественные записки*. 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6>
- Собственность классиков: Джон Локк. 2004. *Отечественные записки*. 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6>
- Соломон-мл. П. Г. 2013. Уголовное преследование и регулирование бизнеса: прекращение российской исключительности и культивирование верховенства права. В сб.: Новикова Е. В. et al. (ред.) *Верховенство права как фактор экономики*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 413–430.
- Сото Э. де. 1995. *Иной путь. Невидимая революция в третьем мире*. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy.
- Тамбовцев В. Л. (ред.) 2009. *Права собственности, приватизация и национализация в России*. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Тулаева С. А. 2014. Нефтяные компании, оленеводческие сообщества и местные органы власти: права на землю с перспективы разных стейкхолдеров. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 5: 141–157
- Фуруботн Э., Рихтер Р. 2005. *Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории*. СПб.: Издательский дом СПбГУ.
- Хамфри К. 2010. *Постсоветские трансформации в Азиатской части России*. М.: Наталис.
- Эггертссон Т. 2001. *Экономическое поведение и институты*. М.: Дело.
- Яковлев А. А. 2013. Отнять или создать? Стимулы к применению насилия в экономике и факторы, способные его ограничить. В сб.: Новикова Е. В. et al. (ред.) *Верховенство права как фактор экономики*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 121–143.
- Alchian A., Demsetz H. 1973. The Property Right Paradigm. *The Journal of Economic History*. 33 (1): 16–27.
- Alford P. 1995. *To Steal a Book Is an Elegant Offense: Intellectual Property Law in Chinese Civilization*. Stanford: Stanford University Press.

- Azuela A. Sociological Analysis of Property. 2007. In: Clark D. (ed.) *Encyclopedia of Law and Society: American and Global Perspectives*. Los Angeles: Sage Publications.
- Bardhan P. 2005. *Scarcity, Conflicts and Cooperation: Essays in the Political and Institutional Economics of Development*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Barzel Y. 1989. *Economic Analysis of Property Rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Wiber M. 2009. The Properties of Property. In: Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Wiber M. (eds) *Changing Properties of Property*. Oxford: Berghahn; 1–39.
- Boettke P. 2003. *Calculation and Coordination. Essays on Socialist and Transitional Political Economy*. New York: Taylor & Francis Library.
- Bright C. 1995. Who Owns Indigenous Peoples' DNA? *Humanist*. 55 (1): 44–63.
- Curruthers B., Ariovich L. 2004. The Sociology of Property Rights. *Annual Review of Sociology*. 30: 23–46.
- Diemeier D. et al. 1997. Credible Commitment and Property Rights: Strategic Interaction between Political and Economic Actors. In: Weimer D. (ed.) *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics*. Cambridge: Cambridge University Press; 20–43.
- Dobek M. 1997. Property Rights and Institutional Changes in the Czech and Slovak Republics. In: Weimer D. (ed.) *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics*. Cambridge: Cambridge University Press; 182–205.
- Drahoš P. 1999. Biotechnology Patents, Markets and Morality. *European Intellectual Property Review*. 21 (9): 441–449.
- Jacobs A. 2005. A Matter of Trust: Cognition, Institutions and the Sources of Credible Commitment. *Research Working Paper*. URL: <http://faculty.arts.ubc.ca/jacobs>
- Earle T. 2000. Archeology, Property, and Prehistory. *Annual Review Anthropology*. 29: 39–60.
- Eggertsson T. 1996. A Note on the Economics of Institutions. In: Alston L., Eggertsson T., North D. (eds) *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press; 6–25.
- Elster J. 1989. Social Norms and Economic Theory. *The Journal of Economic Perspectives*. 3 (4): 89–117.
- Emerson R. 2014. Franchises as Moral Rights. *Wake Forest Intellectual Property Law Journal*. 14 (4): 540–577.
- Faccio M. 2006. Politically Connected Firms. *The American Economic Review*. 96 (1): 369–386.
- Firestone T. 2008. Criminal Corporate Raiding in Russia. *International Lawyer*. 42 (4): 1207–1229.
- Fligstein N. 2001. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty First-Century Capitalist Societies*. Princeton: Princeton University Press.

- Frye T. 2002a. Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia. *Europe-Asia Studies*. 54 (7): 1017–1036.
- Frye T. 2002b. Private Protection in Russia and Poland. *American Journal of Political Science*. 46 (3): 572–584.
- Frye T. 2004. Credible Commitment and Property Rights: Evidence from Russia. *The American Political Science Review*. 98 (3): 453–466.
- Frye T., Yakovlev A., Yasin Y. 2009. The other Russian Economy: How Everyday Firms View the Rules of the Game in Russia. *Social Research*. 76 (1): 29–54.
- Hall B. 2003. Business Method Patents, Innovation and Policy. *Working Paper No 9717*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w9717.pdf>
- Healy K. 2000. Sacred Markets and Secular Ritual in the Organ Transplant Industry. *American Journal of Sociology of the Economy*. 105: 1633–1657.
- Hendley K., Murrell P., Ryterman R. 2000. Law, Relationships and Private Enforcement: Transactional Strategies of Russian Enterprises. *Europe-Asia Studies*. 52 (4): 627–656.
- Hellman S., Geraint J., Kaufmann D. 2000. Seize the State, Seize the Day: An Empirical Analysis of State Capture and Corruption in Transition Economies. *Research Working Paper No 2444*. Washington, DC: World Bank.
- Hesse C. 2002. The Rise of Intellectual Property, 700 B.C. — A.D. 2000: An Idea in the Balance. *Dædalus*. 131 (Spring): 228–251.
- Keister L., Moller S. 2000. Wealth Inequality in the United States. *Annual Reviews Sociology*. 26: 63–81.
- McEvoy A. 1998. Markets and Ethics in U.S. Property Law. In: Jacobs M. (ed.) *Who Owns America? Social Conflict over Property Rights*. Madison: University Wisconsin Press; 94–113.
- Milgrom P., Greif A., Weingast B. 1994. Coordination, Commitment, Enforcement: the Case of the Merchant Guild. *The Journal of Political Economy*. 102 (4): 745–766.
- Moe T. 1984. The New Economics of Organization. *American Journal of Political Science*. 28 (4): 739–777.
- North D. 1993. Institutions and Credible Commitment. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 149 (1): 11–23.
- North D., Weingast B. 1996. Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England. In: Alston L., Eggertsson T., North D. (eds) *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press; 134–166.
- Podlas K. 2010. The Moral of the Story... Musical Artists Must Protect their Own Rights in Digital Music. *Wake Forest Intellectual Property Law Journal*. 10 (3): 265–288.

- Riker W., Sened I. 1991. A Political Theory of the Origin of Property Rights: Airport Slots. *American Journal of Political Science*. 35 (4): 951–969.
- Roemer J. 1989. What is Exploitation? *Philosophy Public Affairs*. 18: 90–97.
- Robinson J. 1998. Theories of “Bad Policy”. *Journal of Political Reforms*. 1: 1–46.
- Scheper-Hughes N. 2000. The Global Traffic of Human Organs. *Current Anthropology*. 41 (2): 191–224.
- Sharp L. 2000. The Commodification of the Body and Its Parts. *Annual Reviews Anthropology*. 29: 287–328.
- Shleifer A., Vishny R. 1998. *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Stammler F., Wilson E. 2006. Dialog for Development: an Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State. *Sibirica*. 5 (2): 1–42.
- Steiner P. 2003. Gifts of Blood and Organs: The Market and “Fictitious” Commodities. *Revue Francaise de Sociologie. Supplement: An Annual English Selection*. 44: 147–162.
- Swedberg R. 2003. *Principles of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press.
- Waldby C., Cooper M. 2006. The Biopolitics of Reproduction: Post-Fordist Biotechnology and Women’s Clinical Labour. *Working Paper No 15*. London: Global Biopolitics Research Group.
- Weimer D. 1997. The Political Economy of Property Rights. In: Weimer D. (ed.) *The Political Economy of property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics*. Cambridge: Cambridge University Press; 1–20.
- Weingast B. 1997. The Political Commitment to Markets and Marketization. In: Weimer D. (ed.) *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics*. Cambridge: Cambridge University Press; 43–50.

PROFESSIONAL REVIEWS

Maria Sakaeva

Property Rights in the Focus of Social Theories: Through Breaking Boundaries towards Interdisciplinary

SAKAEVA, Maria —

Candidate of Sciences in Sociology, Master in Sociology of European University at Saint-Petersburg, Deputy Director, Centre of Expertise and Analytics, Ukhta State Technical University. Address: 13 Pervomayskaya str., Ukhta, 169300, Russian Federation.

Email: eu.sakaeva@gmail.com

Abstract

This article includes the main social theories of property rights. The question about the existence and development of property right institution is discussed from three perspectives: economic, sociological, and interdisciplinary. Special attention is given to a new institutional school with D. North as a head. In the 21st century, a wave of sociological and anthropological critics showed that institutional scholars' views of property rights were not relevant, which caused an interdisciplinary turn. It was not easy for sociologists to prove their interest in property rights. While political economists were interested in the state's role in property protection, new institutional economists focused on the institutionalization of property, and social anthropologists researched cultural roots in property relations. Finally, liberal economists' normative and ideal views of property rights were weakened. Sociologists argue that prop-

erty is not restricted to economic sphere, that it depends on and influences culture and law, state and society, collective and individual. The list of property types was enlarged due to recent sociological studies. For example, the female body and trademark were both discussed in terms of property. The first part of the article reviews notions of "property" and "property rights" and a deconstruction of "property" by sociologists. The second part deals with the state's role in the development of private property and the problem of property protection, discussed within the framework of new institutionalism. Then the article examines economic and sociological concepts, which explain why culture matters for property relations, and the article describes the diversity of property relations in practice. Finally, ways of protecting property rights under the institutional instability are analyzed.

Keywords: property rights; private property; sociology of property; state; market; new institutionalism; political economy.

References

- Alchian A., Demsetz H. (1973) The Property Right Paradigm. *The Journal of Economic History*, vol. 33, no 1, pp. 16–27.
- Aleksandrov J. I., Kirdina S. G. (2012) Tipy mental'nosti i institutsional'nye matritsy: multidistsiplinarny podkhod [Mental Types and Institutional Matrix: Multidisciplinary Approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 3–12 (in Russian).
- Alford P. (1995) *To Steal a Book Is an Elegant Offense: Intellectual Property Law in Chinese Civilization*, Stanford: Stanford University Press.

- Azuela A. (2007) Sociological Analysis of Property. *Encyclopedia of Law and Society: American and Global Perspectives* (ed. D. Clark), Los Angeles: Sage Publications, pp. 344–361.
- Barsukova S., Zvyagintsev V. (2006) Mekhanizm “politicheskogo investirovaniya”, ili Kak i zachem biznes uchastvuet v vyborakh i oplachivaet partiynuyu zhizn’ [Mechanism of Political Investments or How and Why Business Participate in Elections and Finance Party Life]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 7, no 2, pp. 8–22. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2006-7-2.html> (accessed 16 May 2016) (in Russian).
- Bardhan P. (2005) *Scarcity, Conflicts and Cooperation: Essays in the Political and Institutional Economics of Development*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Barzel Y. (1989) *Economic Analysis of Property Rights*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Wiber M. (2009) The Properties of Property. *Changing Properties of Property* (eds F. Benda-Beckmann von, K. Benda-Beckmann von, M. Wiber), Oxford: Berghahn, pp. 1–39.
- Bessonova O.E. (2006) *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Razdatochnaya Russian Economy: The Conceptual Analysis], Moscow: ROSSPEN Publishers (in Russian).
- Boettke P. (2003) *Calculation and Coordination. Essays on Socialist and Transitional Political Economy*, New York: Taylor & Francis Library.
- Bright C. (1995) Who Owns Indigenous Peoples’ DNA? *Humanist*, vol. 55, no 1, pp. 44–63.
- Curruthers B., Ariovich L. (2004) The Sociology of Property Rights. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, pp. 23–46.
- Diemeier D., Ericson J., Frye T., Lewis S. (1997) Credible Commitment and Property Rights: Strategic Interaction between Political and Economic Actors. *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economies* (ed. D. Weimer), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 20–43.
- Dobek M. (1997) Property Rights and Institutional Changes in the Czech and Slovak Republics. *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economies* (ed. D. Weimer), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 182–205.
- Drahos P. (1999) Biotechnology Patents, Markets and Morality. *European Intellectual Property Review*, vol. 21, no 9, pp. 441–449.
- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society], Moscow: Kanon (in Russian).
- Earle T. (2000) Archeology, Property, and Prehistory. *Annual Review Anthropology*, no 29, pp. 39–60.
- Eggertsson T. (1996) A Note on the Economics of Institutions. *Empirical Studies in Institutional Change* (eds L. Alston, T. Eggertsson, D. North), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 6–25.

- Eggertsson T. (2001) *Ekonomicheskoe povedenie i instituty* [Economic Behavior and Institutions], Moscow: Delo (in Russian).
- Elster J. (1989) Social Norms and Economic Theory. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 3, no 4, pp. 89–117.
- Emerson R. (2014) Franchises as Moral Rights. *Wake Forest Intellectual Property Law Journal*, vol. 4, no 4, pp. 540–577.
- Faccio M. (2006) Politically Connected Firms. *The American Economic Review*, vol. 96, no 1, pp. 369–386.
- Firestone T. (2008) Criminal Corporate Raiding in Russia. *International Lawyer*, vol. 42, no 4, pp. 1207–1229.
- Fligstein N. (2001) *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty First-Century Capitalist Societies*, Princeton: Princeton University Press.
- Frye T. (2002a) Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no 7, pp. 1017–1036.
- Frye T. (2002b) Private Protection in Russia and Poland. *American Journal of Political Science*, vol. 46, no 3, pp. 572–584.
- Frye T. (2004) Credible Commitment and Property Rights: Evidence from Russia. *The American Political Science Review*, vol. 98, no 3, pp. 453–466.
- Frye T., Yakovlev A., Yasin Y. (2009) The other Russian Economy: How Everyday Firms View the Rules of the Game in Russia. *Social Research*, vol. 76, no 1, pp. 29–54.
- Furubotn E., Rihter R. (2005) *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: Dostizheniya novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii* [Institutions and Economic Theory: A Contribution of the New Institutional Economics], Saint-Petersburg: Izdatel'skiy dom SPbGU (in Russian).
- Galindabaeva V. I. (2014) Megasobytiya v postsovetskikh gorodakh: neopatrimonial'nye mashiny rosta i prisvoenie gosudarstvennoy sobstvennosti [Mega-events in Postsoviet Cities: Neopatrimonial Growth Machines and State Property Appropriation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no 1, pp. 126–140 (in Russian).
- Gambetta D. (1993) Reket kak nelegal'nyy pravookhranitel'nyy biznes [Racket as Illegal Protection Business]. *Zhurnal "Ekonomicheskaya teoriya prestupleniy i nakazaniy"*, no 1. Available at: <http://corruption.rsu.ru/magazine/1/n1-09.shtml> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Hall B. (2003) Business Method Patents, Innovation and Policy. *Working Paper No 9717*, Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Hamfri K. (2010) *Postsovetskie transformatsii v Aziatskoy chasti Rossii* [Post-Soviet Transformation in Asian Part of Russia], Moscow: Natalis (in Russian).
- Healy K. (2000) Sacred Markets and Secular Ritual in the Organ Transplant Industry. *American Journal of Sociology of the Economy*, no 105, pp. 1633–1657.

- Hellman S., Geraint J., Kaufmann D. (2000) *Seize the State, Seize the Day: An Empirical Analysis of State Capture and Corruption in Transition Economies. Research Working Paper No 2444*, Washington, DC: World Bank.
- Hendley K., Murrell P., Ryterman R. (2000) Law, Relationships and Private Enforcement: Transactional Strategies of Russian Enterprises. *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no 4, pp. 627–656.
- Hesse C. (2002) The Rise of Intellectual Property, 700 B.C. — A.D. 2000: An Idea in the Balance. *Dædalus*, no 131, Spring, pp. 228–251.
- Jacobs A. (2005) A Matter of Trust: Cognition, Institutions and the Sources of Credible Commitment. *Research Working Paper*. Available at: <http://faculty.arts.ubc.ca/jacobs> (accessed 12 February 2016).
- Kapelyushnikov R. I. (2004) Pravo sobstvennosti (oчерk sovremennoy teorii) [Property Rights: Modern Theories]. *Otechestvennye zapiski*, no 6. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-oчерk-sovremennoy-teorii> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Karbainov N. I. (2012) Izyatie neformal'noy sobstvennosti v Rossii: negativnye uroki podgotovki k Olimpiyskim igram v Sochi [Confiscation of Informal Property in Russia: Negative Lessons of the Preparation for the Olympic Games in Sochi]. *Seriya "Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimereniya"*. Saint-Petersburg: IPP EUSPb (in Russian).
- Kasatkina A. K. (2015) Chastnaya sobstvennost' i kollektivnoe tovarishchestvo. Rezhimy sobstvennosti i sotsial'nye otnosheniya v sadovodcheskikh nekommercheskikh tovarishchestvakh Leningradskoy oblasti 2000-kh godov [Private Property and Collective "Comradeship": Property Regimes and Social Relationships in Garden Non-Profit Associations ("Comradeships"), Leningrad Region, the Early 2000s]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no 1, pp. 163–178 (in Russian).
- Keister L., Moller S. (2000) Wealth Inequality in the United States. *Annual Reviews Sociology*, no 26, pp. 63–81.
- Kordonskiy S. G. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [The Structure of Soslovia in Post-soviet Russia], Moscow: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie" (in Russian).
- Latov Y. V. (2003) "Ekonomika reketa" v postsovetskoy Rossii ["Economics of Racket" in Postsoviet Russia], *Internet-konferenciya "Poisk effektivnykh institutov dl'a Rossii XXI veka"*. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16214862/> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Levin S. N., Kurbatova M. V. (2011) Setevye vzaimosvyazi rossiyskogo biznesa: delovaya korrupciya i organicheskiy institut real'noy modeli institutsional'noy organizatsii rossiyskoy ekonomiki [Network Interactions of Russian Business: Business Corruption and Organic Institution of the Real Institutional Organization Model of the Russian Economy]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, vol. 3, no 2, pp. 50–69 (in Russian).
- Levin S. N., Kagan E. S., Kislitsyn D. V. (2014) Internalizovannyy politichesky resurs krupnogo biznesa v Kuzbasse [Internalized Political Resources of Large Business in Kuzbass]. *EKO*, no 1, pp. 85–94 (in Russian).
- Marx K. (2003) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*, vol. 1 [Capital: Critics of Political Economy, vol. 1], Moscow: Eksmo (in Russian).

- McEvoy A. (1998) Markets and Ethics in U.S. Property Law. *Who Owns America? Social Conflict over Property Rights* (ed. M. Jacobs), Madison: University Wisconsin Press, pp. 94–113.
- Milgrom P., Greif A., Weingast B. (1994) Coordination, Commitment, Enforcement: the Case of the Merchant Guild. *The Journal of Political Economy*, vol. 102, no 4, pp. 745–766.
- Moe T. (1984) The New Economics of Organization. *American Journal of Political Science*, vol. 28, no 4, pp. 739–777.
- North D. (1993) Institutions and Credible Commitment. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 149, no 1, pp. 11–23.
- North D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow: Nachala (in Russian).
- North D., Weingast B. (1996) Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England. *Empirical Studies in Institutional Change* (eds L. Alston, T. Eggertsson, D. North), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134–166.
- Nureev R. M., Latov Y. V. (2015) Postsovetskoe institutsional'noe razvitie: v poiskakh vykhoda iz kolei vlasti-sobstvennosti [Institutional Development in Post-Soviet Russia: in Search for an Escape from the Path-dependence of 'Power-Ownership']. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 50–88 (in Russian).
- Paneyakh E. L. (2013) Zaregulirovannoe gosudarstvo [An Extra-regulated State]. *Pro et Contra*, vol. 17, no 1–2, pp. 79–92 (in Russian).
- Pecheski R. (2000) Abort i vybor zhenshhiny: gosudarstvo, seksual'nost' i reproduktivnye prava [Abortion and Woman's Choice: the State, Sexuality, and Reproductive Freedom]. *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology on Gender Theory] (ed. E. Gapova, A. Usmanova), Minsk: Propilei, pp. 141–150 (in Russian).
- Pliskevich N. M. (2015) Transformatsii sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regional'nyy aspekt. Mogut li regiony nachat' svoy put' k modernizatsii [The Transformation of 'Power-Ownership' Relations in Russia: Would Regions Pave the Path towards Modernization?]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 89–104 (in Russian).
- Podlas K. (2010) The Moral of the Story... Musical Artists Must Protect their Own Rights in Digital Music. *Wake Forest Intellectual Property Law Journal*, vol. 10, no 3, pp. 265–288.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time], Moscow: Aletya (in Russian).
- Portes A. (2003) Neformal'naya ekonomika i ee paradoksy [Informal Economy and Its Paradoxes]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 4, no 5, pp. 34–53. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5.html> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Rastorguev S. V. (2012) Inkumbenty-biznesmeny v oblastnoy zakonodatel'noy vlasti v CZFO v 2000–2011 godakh [Incumbents from Business in Regional Legislative Bodies in the North-Western Federal Okrug in 2000–2011]. *Politicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 117–125 (in Russian).

- Riker W., Sened I. (1991) A Political Theory of the Origin of Property Rights: Airport Slots. *American Journal of Political Science*, vol. 35, no 4, pp. 951–969.
- Robinson J. (1998) Theories of “Bad Policy”. *Journal of Political Reforms*, no 1, pp. 1–46.
- Roemer J. (1989) What is Exploitation? *Philosophy Public Affairs*, no 18, pp. 90–97.
- Rubin G. (2000) Obmen zhenshchinami: zametki po politekonomii pola [The Traffic of Women: Notes on the Political Economy of Sex]. *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology on Gender Theory] (ed. E. Gapova, A. Usmanova), Minsk: Propilei, pp. 99–117 (in Russian).
- Sakaeva M. M. (2012) Parlament kak “okno vozmozhnostey”: issledovanie povedeniya predprinimateley s deputatskim mandatom v khode realizatsii rynochnykh interesov [Parliament as a “Window of Opportunities”: A Study on the Pursuit of Business Interests by Entrepreneurs with Mandates]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 3, pp. 96–123. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3.html> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Sakaeva M. M. (2015) Spros predprinimateley na sotsial’nyy kapital v pole rynka i politiki [Entrepreneurial Demand for Social Capital within Market and Politics]. *Zhurnal sotsiologii i social’noy antropologii*, no 1, pp. 110–122 (in Russian).
- Sapov G. (2004) Sobstvennost’: usloviya chelovecheskoy deyatel’nosti i yuridicheskaya kategoriya [Property: Conditions of Human Activity and Juridicial Category]. *Otechestvennye zapiski*, no 6. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/6> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Scheper-Hughes N. (2000) The Global Traffic of Human Organs. *Current Anthropology*, vol. 41, no 2, pp. 191–224.
- Sharp L. (2000) The Commodification of the Body and Its Parts. *Annual Reviews Anthropology*, no 29, pp. 287–328.
- Shleifer A., Vishny R. (1998) *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Sobstvennost’ klassikov: John Lокk [Property of Classic: John Lокk]. (2004) *Otechestvennye zapiski*, no 6. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/6> (accessed 12 February 2016) (in Russian).
- Solomon P. G., Jr. (2013) Ugolovnoe presledovanie i regulirovanie biznesa: prekrashchenie rossiyskoy isklyuchitel’nosti i kul’tivirovanie verkhovenstva prava [Prosecution and Regulation of Business: Termination of Russian Exceptionalism and Cultivation of the Rule of Law]. *Verhovenstvo prava kak faktor ekonomiki* [The Rule of Law as Economic Factor] (eds E. V. Novikova, A. G. Fedotov, A. V. Rozencvajg, M. A. Subbotin), Moscow: Liberal’naya missia, pp. 413–430 (in Russian).
- Soto E. de (1995) *Inoy put’*. *Nevidimaya revolyutsiya v tret’em mire* [The other Path: The Invisible Revolution in the Third World], Moscow: Catallaxy (in Russian).
- Stammler F., Wilson E. (2006) Dialog for Development: An Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State. *Sibirica*, vol. 5, no 2, pp. 1–42.

- Steiner P. (2003) Gifts of Blood and Organs: The Market and “Fictitious” Commodities. *Revue Francaise de Sociologie. Supplement: An Annual English Selection*, no 44, pp. 147–162.
- Swedberg R. (2003) *Principles of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press.
- Tambovtsev V. L. (ed.) (2009) *Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii*. [Property Rights, Privatization and Nationalization in Russia], Moscow: Liberal'naya missia (in Russian).
- Tulaeva S. A. (2014) Neftyanye kompanii, olenevodcheskie soobshchestva i mestnye organy vlasti: prava na zemlyu s perspektivy raznykh steykholderov [Oil Companies, Reindeer-Herding Communities and Local Authorities: Rights to Land from the Perspective of Various Stakeholders]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, no 5, pp. 141–157 (in Russian).
- Vasil'ev L. S. (2005) *Istoriya Vostoka*. [The History of the East]. Uchebnik: 2 vols. Vol. 1, Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).
- Weber M. (2002) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Ivano-Frankovsk: East View (in Russian).
- Volkov V. (2002) *Silovoe predprinimatel'stvo* [Violent Entrepreneurship], Saint-Petersburg: Letniy sad (in Russian).
- Waldby C., Cooper M. (2006) The Biopolitics of Reproduction: Post-Fordist Biotechnology and Women's Clinical Labour. *Working Paper No 15*, London: Global Biopolitics Research Group.
- Weimer D. (1997) The Political Economy of Property Rights. *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics* (ed. D. Weimer), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–20.
- Weingast B. (1997) The Political Commitment to Markets and Marketization. *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics* (ed. D. Weimer), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43–50.
- Yakovlev A. A. (2013) Otnyat' ili sozdat'? Stimuly k primeneniyu nasiliya v ekonomike i faktory, sposobnye ego ogranichit' [Take Away or Create? Incentives to Use Violence in the Economy and the Factors That May Limit it]. *Verkhovenstvo prava kak faktor ekonomiki* [The Rule of Law as Economic Factor] (eds E. V. Novikova, A. G. Fedotov, A. V. Rozencvajg, M. A. Subbotin), Moscow: Liberal'naya missia, pp. 121–143 (in Russian).
- Zhuravskaya T. N. (2011) “Sery import” v Blagoveshchenske: chto novogo? [“Shadow Import” in Blagoveshchensk: What is New?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 1, pp. 54–71. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-1.html> (accessed 12 February 2016) (in Russian).

Received: April 24, 2016.

Citation: Sakaeva M. (2016) Prava sobstvennosti v fokuse sotsiologicheskikh teoriy: cherez razmyvanie granits k mezhdistsiplinarnosti [Property Rights in the Focus of Social Theories: Through Breaking Boundaries towards Interdisciplinary]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 3, pp. 110–131. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-3.html> (in Russian).